ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79
Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79
Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

5. Baranov, A.M. (n.d.) *Ponyatie i znachenie protsessual'nykh sposobov ispravleniya oshibok, sovershaemykh v ugovnom protsesse* [The concept and significance of procedural ways of correcting errors committed in criminal proceedings]. [Online] Available from: <http://www.lawtech.ru/pub/posob5.htm>. (Accessed: 12th July 2018).
6. Shatilova, N.V. (2011) Limits and Role of Judicial Discretion in Consideration of Remarks to the Minutes of Judicial Session. *Yurist – Jurist*. 4. pp. 39–42. (In Russian).
7. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovnogo protsessa. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva* [The Concept, Purpose, Differentiation of the Criminal Process. Principles of Criminal Justice]. Tomsk: Tomsk State University.
8. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 28, 2014, "On the application of the norms of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the proceedings at the court of cassation."* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 14th November 2017). (In Russian).
9. Nekhoroshikh, M.E. (2018) Ways to improve cassation proceedings in the criminal procedure of Russia. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 79–83. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/15
10. Davydov, V.A. (2014) Kassatsionnoe proizvodstvo v ugovnom protsesse v raz'yasneniyakh Plenuma VS RF [Cassation proceedings in the criminal process in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 5. pp. 10–18.
11. Sviridov, M.K. (2017) Questions of development of cassation proceedings in Russian criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 23. pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/23/8
12. Idrisov, O.R. (2012) *Polnomochiya kassatsionnoy instantsii po vyavleniyu i us-traneniyu sudebnykh oshibok v ugovnom protsesse Rossii* [The authority of the cassation instance to identify and eliminate judicial errors in the criminal process in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.

DOI: 10.17223/9785946217637/24

Д.В. Дробинин

ПОВТОРНОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЛИЦА ПО ТЕМ ЖЕ САМЫМ ПРИЗНАКАМ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ

В статье рассматриваются положения уголовно-процессуального закона, регламентирующего производство предъявления для опознания в соотно-

шении с возникающими в правоприменительной практике ситуациями – так называемыми случаями повторного узнавания (опознавания) одного и того же лица одним и тем же опознающим. Проведён анализ опознаний различных видов объектов (живых лиц, трупов), а также форм демонстрации их изображения (натурное восприятие, фотографии и видеозаписи).

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, тактическая ситуация, познавательный приём, допустимость доказательств.

Среди средств и способов получения, проверки и оценки доказательственной информации следственные действия справедливо занимают ведущее, центральное место. Отличаясь от других доказательственных приемов, следственные действия характеризуются более строгой регламентацией их производства, условиями обеспечения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, а также более высоким уровнем объективизации как самого процесса получения сведений, так и возможностями их будущей оценки (участие понятых, протоколирование следственного действия и т.д.). Как показывает анализ следственной и судебной практики по многим категориям уголовных дел предъявление для опознания становится базовым, формирующим доказательственную структуру следственным действием. Так по делам об убийствах опознание трупа выступает одним из средств его идентификации, на основе которого в дальнейшем строится версия о мотивах преступления (как правило с учетом характеристики личности погибшего). При расследовании причинения телесных повреждений опознание потерпевшим (свидетелем) обвиняемого (подозреваемого) выступает в качестве прямой обвинительной улики на основе которой формируется доказательственная база итогового обвинения.

В УПК 2001 года в отличие от УПК РСФСР 1961 года в структуру норм, регламентирующих производство предъявления для опознания, были внесены существенные изменения. Так повторное предъявление для опознания одного и того же лица, предмета по тем же самым признакам, тем же опознающим категорически признается законодателем как недопустимое, а соответственно и не имеющее доказательственной силы следственное действие. Данное нововведение среди учёных–процессуалистов было воспринято как положительное и не вызывающее сомнений [1. С. 127]. На наш взгляд, данная норма не охватывает всех потенциально возникающих на практике ситуаций и тем

самым ограничивает доказательственные возможности и условия производства данного следственного действия. С одной стороны, позиция законодателя отчасти оправдана, так как она учитывает неоднократно ранее выраженную негативную оценку Верховного Суда РФ (Верховного суда СССР) по отношению к ситуациям (результатам) «повторного узнавания». Напомним, что опознающий до момента производства предъявления для опознания не должен видеть опознаваемого. Сама процессуальная процедура этого следственного действия по своей сути представляет собой «встречу» опознающего с ранее воспринятым лицом под контролем следователя с элементами затруднения, выраженными в том, что опознаваемый демонстрируется в группе статистов, имеющих по сравнению с ним сходство во внешности общей численностью не менее 3. Установленные в ходе судебного следствия обстоятельства, когда опознающий до момента процессуального опознания уже сформировал свое мнение, вывод о тождестве, а затем его формально подтвердил в процедуре опознания, не позволяли считать это действие допустимым. Например, предшествующее опознанию узнавание могло произойти в режиме оперативно-розыскного мероприятия, в котором принимал участие будущий опознающий, совместном патрулировании опознающего с нарядом патрульно-постовой службы полиции либо случайно (на улице) при незапланированной встрече опознающего и опознаваемого, в том числе вследствие предпринятых потерпевшим или свидетелем розысков.

Нередки на практике и случаи, когда следователь, намеренно предварительно вызывая на допрос опознающего, негласно демонстрирует будущего опознаваемого и получив утвердительный ответ, что лицо узнано, принимает решение провести предъявление для опознания для процессуального закрепления полученного результата. Таким образом, реальный самостоятельный сложный познавательный процесс, предполагающий сопоставление внешнего облика человека с образом, оставшимся в памяти опознающего, в ходе производства опознания отсутствует. Результат процессуального опознания до начала производства следственного действия как для самого следователя, так и для опознающего становится заранее известен. Подобная ситуация создается и в случае, когда первичное узнавание (или даже его отсутствие) состоялось в рамках процессуально-оформленного самостоятельного следственного действия – предъявления для опознания. Например, когда следователь решает провести опознание по-

вторно по причине того, что первичное опознание было проведено с нарушением требований УПК, либо опознающий (как правило, после окончания следственного действия) заявил, что он ошибочно указал на другого человека – статиста (под воздействием страха, утомления и т.п.). Действительно в должной мере оценить повторное опознание и в вышеописанных ситуациях также невозможно. Опознающему нетрудно догадаться, кого «нужно» узнать, когда ему повторно демонстрируется один и тот же человек (даже и в группе с большим числом статистов). Поскольку опознающим является лицо, непосредственно воспринимавшее ранее объект, последующее процессуальное опознание этого объекта с тем же опознающим исключается как опознавательный акт и соответственно не будет иметь доказательственного значения, так как не представляет собой самостоятельной опознавательной задачи [2. С. 161, 168]. Таким образом, процессуальное и в равной мере непроцессуальное опознание (в том числе и оперативно-розыскное) непосредственно предшествующее процессуальному опознанию создаёт препятствие для проведения последнего.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, ряд повторных опознаний одного и того же лица одним и тем же опознающим по тем же самым признакам гносеологически и тактически целесообразен, так как по отношению к первому следственному действию (или оперативно-розыскному мероприятию) оно является контрольным, проверочным действием. Такая ситуация может возникнуть, когда первичное опознание производилось по фото- (или видео-) изображению, а вторичное опознание этого же лица осуществлялось путем демонстрации опознаваемого в натуре. Натуральное восприятие человека человеком по степени полноты, наглядности выраженных признаков внешности качественно отличается от восприятия человеком этого лица по фотографии. Как правило, фотография передаёт одноракурсное изображение, не позволяет представить его объемно. Ряд признаков, в целом формирующих образ человека и мнение о нем, при подобном виде восприятия объективно отсутствует (мимика, жестикуляция, походка, голос, речь). Следовательно, живое натурное восприятие (в процессе опознания) в отличие от фотографического является более объективным, позволяющим оценить весь комплекс анатомически-функциональных признаков человека, и соотнести их с сохранившимся в памяти образом. Так стоит ли повторно опознавать человека, при условии его первичного фотографического узнавания (или не узнавания)?

Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть положительным. Было бы логичным полагать, что, узнав лицо по фотографиям, опознающий продемонстрирует это и при вторичном живом восприятии. Но как быть, если этого не происходит? Можно ли в этой ситуации руководствоваться только первичным фотографическим узнаванием, не принимая во внимание повторный отрицательный результат (при условии, что вторичное опознание отличалось от первого в лучшую сторону как объёмом, так и качеством воспринимаемых признаков)? Ответ становится очевидным. Таким образом, повторное опознание (при условии, что первое опознание осуществлялось по фото- или видеоизображениям) позволяет проверить результаты первого следственного действия, дает основание принять решение о расширении круга проверочных действий, а, следовательно, не может не быть целесообразным, допустимым доказательственным приемом.

Аналогичная ситуация может возникнуть и в случае (как уже ранее было описано) предшествующего узнавания объекта в непроцессуальной форме (оперативно-розыскного опознания). Оперативно-розыскное опознание в отличие от процессуального состоит не в том, что при его проведении обязательно соблюдение процессуальных правил (ведение протокола, предъявление объекта лицу в группе однородных и т.д.), а в объективной невозможности их выполнения. Нередко это связано с тем, что опознаваемого объекта или опознающего лица ещё нет – их необходимо разыскать, либо сведения об опознаваемом объекте не точны, в том числе и сведения о его местонахождении.

К числу разновидностей оперативно-розыскного опознания можно отнести и оперативные опознания по фотографиям. В целях розыска преступника (как будет показано ниже и в целях установления личности трупа) свидетелю, потерпевшему, заявителю может быть продемонстрирована фотография (изображение) в единственном числе, в комплекте снимков, входящих в регистрационные альбомы ранее судимых лиц и т.д. В случае уверенного узнавания изображенного на фотографии лица, либо заявления о сходстве оперативным сотрудником составляется рапорт. В процессуальной классификации доказательств рапорт в этом случае будет относиться к числу иных документов. Здесь, на наш взгляд, можно наблюдать однородные познавательные процессы, описанные ранее, когда первичное опознание лица проводилось по фотографии, как предшествующее опознанию в нату-

ре. Заметим, что возможность опознания лица в процессуальной форме после его узнавания в процессе оперативно-розыскного опознания не отрицалось учёными-криминалистами, занимающимися разработкой и совершенствованием тактических приёмов и рекомендаций предъявления для опознания как самостоятельного следственного действия. Так, по мнению А.Я. Гинзбурга, после заявления о сходстве в ходе оперативно-розыскного опознания последующее предъявление этого же лица для процессуального опознания не исключается [3. С. 78]. Ещё более содержательно по этому вопросу высказался Н.Н. Гапанович, подчеркнув, что достоверность опознания по фотографии обусловлена качеством изображения, и поэтому оно должно быть проверено путём предъявления объекта в натуре реальному опознающему [2. С. 166].

Нельзя обойти вниманием и вопрос о повторном опознании трупа по тем же самым признакам. Отождествляемый объект в данном случае достаточно специфичен. Напомним, что опознание трупа производится в целях установления личности покойного, что само по себе в целях быстрого и всестороннего расследования создаёт предпосылки для демонстрации трупа потенциально не ограниченному кругу лиц, которые могли бы в той или иной мере знать погибшего (например, лицам, которые разыскивают своих родственников или близких). Таким образом, перед производством опознания трупа в процессуальной форме его изображение (по объективным причинам чаще всего фотографическое) может демонстрироваться разным лицам, способным в будущем выступать в качестве потенциально опознающих (чаще всего это происходит в ходе оперативно-розыскного опознания). Также нельзя не учитывать и скоротечный процесс видоизменения признаков внешности покойного в результате активно развивающихся трупных явлений (гниение, высыхание и т.д.). В данной ситуации повторная натурная демонстрация трупа одному и тому же опознающему гносеологически оправдана и обусловлена задачами и ходом процесса расследования преступлений. Нельзя отрицать и сложное психологическое состояние опознающих (нередко эти лица относятся к числу близких родственников покойного), что не может не сказаться на личностных условиях восприятия и оценки признаков внешности трупа. Опознающие находятся в состоянии психологического противоречия, выраженного в изначальном нежелании верить в гибель близкого человека.

Сопоставляя фото и видеосъемку как самостоятельные технические способы запечатления изображения и не отрицая преимущество видеозаписей, способной сохранить динамические процессы (телодвижения человека), стоит заметить, что просмотр видеозаписи (в том числе и неоднократный) и до настоящего времени не может конкурировать с натурным восприятием внешности. Поэтому ранее высказанные положения и рекомендации можно распространить и на ситуацию, когда первичное процессуальное и непроцессуальное опознание проводилось путём демонстрации опознающему не только фотографий, но и видеосюжетов. Проведённое анкетирование работников следственного аппарата (всего было опрошено 20 следователей Следственного комитета по Самарской области и 15 следователей управления внутренних дел по Самарской области) по вопросу целесообразности и допустимости повторных опознаний в вышеописанных ситуациях показало, что 90% опрошенных, считают, что данное следственное действие способствует проверке и оценке первичного опознания и заслуживает соответствующего отражения в действующем законодательстве.

Таким образом, повторное процессуальное опознание одного и того же лица (трупа) тем же опознающим по тем же самым признакам, при условии, что первичное опознание (узнавание) этого лица проводилось по фото или видеоизображению и оформлялось в режиме следственного либо оперативно-розыскного действия (мероприятия) не умаляет его доказательственного значения и признаков допустимости как самостоятельного познавательного приёма, применяемого в процессе расследования преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самолаева Е.Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: учебно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2004. 160 с.
2. Гапанович Н.Н. Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы). Минск : Изд-во БГУ, 1975. 176 с.
3. Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике : учебно-практическое пособие / под ред. проф. Р.С. Белкина. М. : Профиздат, 1996. 128 с.

REPEATED PRESENTATION FOR IDENTIFICATION OF THE SAME PERSON BY THE SAME FEATURES: PROBLEMS OF ADMISSIBILITY

Dmitriy V. Drobinin, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: dmitriy.drobinin@mail.ru

Keywords: investigation procedure, presentation for identification, tactical situation, cognitive technique, admissibility of evidence.

DOI: 10.17223/9785946217637/24

The aim of the study is to analyze the current criminal procedure laws regulating the grounds and procedure for presentation for identification as an independent investigation procedure. The paper reveals the concept of identification as an investigative and operational search activity, the possibility of their combination, the results obtained, the order of their consolidation and use as independent evidence. The paper emphasizes that the natural identification of living persons and corpses is characterized by the quality and completeness of perceived features of appearance; therefore, from a psychological, tactical point of view, it differs from identification by photo and video images. This does not allow considering these types of identification as equivalent search and cognitive techniques and investigation procedures.

The methodological basis of the study was various methods of scientific cognition applied in jurisprudence. The structural system analysis made it possible to identify tactical situations in the activities of the investigator (inquirer) that are not fully taken into account by the current criminal procedure law. Thus, “obstacles” are made for the realization of search and evidentiary opportunities in the investigation of crimes. The comparative-historical method made it possible to compare the current legislation, the norms established earlier in the 1961 Criminal Procedure Code of the RSFSR and the provisions fixed in the decisions of the plenary sessions of the Supreme Court of the RSFSR and the Supreme Court of the USSR. The method of applied statistics allowed using the results of the polls of investigation branch officers to verify the formulated conclusions.

The paper used the norms of the criminal procedure laws of the Russian Federation (the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Law on Operational Search Activity), the materials of investigation practice, provisions reflected in the works of Russian procedure law scientists (N.N. Gapanovich, A.Ya. Ginzburg, E.Yu. Samolaeva). The paper concludes that repeated presentation for identification of the same person by the same features to the same person is possible, expedient and permissible, provided that primary identification (including operational search) was carried out by photo and video images. This provision fully extends to repeated identification of corpses as an independent investigation procedure.

REFERENCES

1. Samolaeva, E.Yu. (2004) *Teoriya i praktika pred'yavleniya dlya opoznaniya lyudey* [The theory and practice of submission of people for identification]. Moscow: Yurlitinform.
2. Gapanovich, N.N. (1975) *Opoznanie v sudoproizvodstve (protssessual'nye i psikhologicheskie problemy)* [Identification in legal proceedings (procedural and psychological problems)]. Minsk: Belarus State University.

3. Ginzburg, A.Ya. (1996) *Opoznanie v sledstvennoy, operativno-rozysknoy i ekspertnoy praktike* [Identification in investigative, operational-investigative and expert practice]. Moscow: Profizdat.

DOI: 10.17223/9785946217637/25

А.Г. Калугин

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКЕ?

В статье обосновывается вывод об уголовно-процессуальном характере правоотношений и деятельности по проверке сообщений о преступлении, что требует ее осуществления в уголовно-процессуальной форме. Предложена модель предварительного расследования, исключая стадию возбуждения уголовного дела и состоящая из двух этапов: установления признаков преступления и уголовного преследования в отношении конкретного лица.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; доследственная проверка; дознание; следственные действия; уголовное преследование.

Бурная дискуссия среди ученых–процессуалистов о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве не утихает уже, по меньшей мере, второе десятилетие. Поскольку и сторонники, и противники этой стадии приводят множество интересных и весомых аргументов в пользу своих позиций, очевидно, что истину нужно искать где-то посередине, путем достижения разумного компромисса между крайними позициями.

С одной стороны, нельзя не учитывать географических, социально-экономических и ментальных особенностей России, исторически сложившейся правовой системы и системы судебных и правоохранительных органов; бессмысленно копировать модели, возможно, вполне успешно работающие в других государствах, но в совершенно иных условиях. С другой стороны, уже невозможно игнорировать те проблемы, которые объективно существуют на начальном этапе уголовного судопроизводства, когда действующий порядок рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях:

а) создает вполне реальные препятствия доступу граждан к правосудию и способствует волоките, укрытию преступлений от учета (в